

В отличие от прошлой жизни, в этот раз Сяо Чжоцин разоблачил ложь Ван Юаня прямо на пиру. И хотя этот фарс нарушил ход застолья, в резиденции герцога Янь он не поднял особого шума.

Гости решили, что какой-то бродяга несет бред, посмеялись да и забыли.

Когда пир подошел к концу и гости разошлись, Сяо Чжоцин переоделся и вернулся во внутренние покои.

Дед, Сяо Цзун, был по государственным делам в Цзиньлине, отец, Сяо Шичэн, странствовал и еще не вернулся в столицу, мать, Хуай Цзян, управляла семейными угодьями на Цзяннани. Что же до дядей и теток, те слыли легкомысленными мудрецами без определенного места жительства: ныне один разжалован, двое в бегах, и во всей резиденции остались лишь трое детей семьи Сяо.

Сяо Лин, прижимая к груди свою белую кошку Сюэтуань, прохаживалась по внутреннему двору, а двенадцатилетний младший брат, Сяо Сун, размахивая руками, о чем-то горячо спорил.

Завидев возвращающегося Сяо Чжоцина, Сяо Сун вскочил как ошпаренный и подбежал к нему:

– Второй брат, ну какого хрена ты велел Чжаое меня останавливать?! Я тут услышал, что на пиру какой-то псих запятнал честь старшей сестры, так я же спать не буду, пока сам не вышибу его вон!

В прошлой жизни Ван Юаня выгнал как раз Сяо Сун. Но ему было мало вытолкать наглеца за ворота: разозлившись, он запрыгнул на него сверху и принялся так ожесточенно лупить, что у того всё лицо превратилось в сплошной синяк. Семеро или восемь охранников еле оттащили его.

Однако в той же прошлой жизни Сяо Сун стал первым из семьи Сяо, кто принял мученическую смерть от рук Ван Юаня. Когда его четвертовали колесницами, мальчишке едва исполнилось пятнадцать.

Вот почему сегодня, едва заподозрив неладное в том сне, Сяо Чжоцин приказал верному Чжаое взять людей и немедленно вернуться во внутренний двор, чтобы во что бы то ни стало

удержать брата и сестру.

– Гости, что прибыли сегодня, пришли поздравить А-Чэ с успешной сдачей экзаменов. Если бы ты выскочил с криками и кулаками, разве это не балаган? – Сяо Лин опустила кошку на землю, и Сюэтуань тут же запрыгала вперед, задрав хвост и выписывая круги вокруг Сяо Чжюцина.

– А-Чэ, кто этот человек? Клянусь, в этой жизни я глазами его не видела, не говоря уже о том, чтобы передавать ему...

Сяо Чжюцин кивнул:

– Сестра никогда его не видела. Это он бесстыдно шляется за Вами по пятам.

Три дня назад Сяо Лин встретила с подругами в башне Суй. Ван Юань сразу же зарился на ее красоту, а заметив на поясе девушки серебряно-красный мешочек для благовоний, точь-в-точь как у него самого, тут же замыслил лихое.

И сейчас Сяо Лин, стоя во дворе, с ее холодным, ослепительным лицом и полными слез персиковыми глазами, являла собой именно тот образ, о котором Ван Юань грезил во сне и наяву.

– Откуда тогда у него этот мешочек? – спросил Сяо Сун.

Сяо Чжюцин ответил с бесстрастным лицом:

– Это старая вещь десятилетней давности. Изначально он был гранатово-красного цвета, но со временем выцвел и стал серебряно-красным. Он ухватился за эту соломинку, чтобы намеренно приплести нас.

Именно так. Донельзя нелепая причина. Сюжеты в «Попирающем князей» частенько отличались вот такой простотой и прямолинейностью.

Сяо Сун снова вскипел:

– Ублюдок! Я все равно выбью ему зубы!

Сяо Чжюцин молча вздохнул:

- ...Сядь. Какой учитель научил тебя этой грязи?

Но Сяо Сун уже ничего не слушал. Размахивая кулаками, он понесся к выходу и едва не врезался в Фусюэ, который как раз заходил во двор с деревянным лакированным ларцом.

Сяо Сун налетел на него, как молодой бычок, и перепуганный слуга вскрикнул:

- Маленький предок, потише! Это же дары из самого дворца!

- А?

От кого дары?

Сяо Сун опешил, и лишь мгновение спустя вспомнил, что в Великой Шан вообще-то имеется свой император.

- Второй брат, неужели сам Император пожаловал тебе награду? - нравом он отличался взрывным, но и забывчивым, и тут же переключил все внимание на ларец. - Разве император не сбрендил?

- Дерзость, - Сяо Чжочин бросил на него строгий взгляд и велел Фусюэ отнести ларец в его собственные покои.

- Постой, братишка, дай хоть взглянуть, - Сяо Сун подступил ближе. - Что там прислал Его Величество?

Сяо Чжочин не изменился в лице:

- Вовсе не Император. Это прислал князь Лянь.

Во дворе мгновенно воцарилась тишина.

От Сяо Лин и Сяо Суна до десятков служанок и слуг - все как один уставились на Сяо Чжочина так, будто увидели нечистую силу.

Кто?

Да кому же было не ведомо: тридцать лет назад, в попытке захватить престол и совершить отцеубийство, князь Фэн Болян был лишен императором Тай-цунем своего титула и разжалован в простолюдины. Лишь десять лет назад, когда нынешний государственный управитель взошел на трон, Фэн Болян сколотил вокруг себя клику придворных, силой захватил власть и вернул себе статус удельного князя, став регентом при малолетнем племяннике.

Однако прежний титул император Тай-цун у него отобрал навсегда. Не имея официального титула, люди были вынуждены звать его просто по имени или же именовать «князем Лянем».

Да и кто во всей Поднебесной не знал, каков из себя этот князь Лянь? Бунтовщик, узурпатор, злодей, что мутит воду при дворе!

Стоило Сяо Суну протянуть руку к ларцу, как он тут же отдернул ее, словно ужаленный змеей. Поморщившись, будто от коснувшейся его грязи, он принялся яростно тереть ладонь о одежды.

– Брат, да как ты вообще посмел принять от него вещь?!

Сяо Чжочин не стал вдаваться в долгие объяснения. Ловя на себе тревожный взгляд Сяо Лин, он лишь легкомысленно обронил:

– Внутри императорский указ, ослушаться нельзя.

Какая еще императорская грамота, небось сам князь Лянь ее на коленке и состряпал.

Сяо Сун возмутился пуще прежнего. Подхватив ларец, он уже собирался идти отстаивать справедливость за своего брата:

– Плевать! Не бойся его, брат! Указ-то мы примем, а всю эту хрень я лично швырну ему прямо в ворота!

– Сядь, – у Сяо Чжочина от него уже начинала болеть голова.

– Малыш Сун хоть и горяч, но в чем-то он прав, – тоже попыталась вразумить его Сяо Лин. – А-Чэ, если ты примешь его подарок, а он потом потребует занять должность и послужить ему – что тогда делать?

– Как с батей поступим, так и с ним поступим! – завопил Сяо Сун.

Десять лет назад князь Лянь точно так же явился на Золотой Трон и под предлогом императорского указа попытался пожаловать Сяо Шичэну чин, желая чужими руками придать законность собственному положению – руками человека, чья ученость гремела на всю Поднебесную.

Тогда на глазах у изумленных сановников Сяо Шичэн поднес к бумаге свечу и сжег указ дотла. Пока министры замерли от ужаса, он лишь расхохотался и ушел прочь.

Князь Лянь прекрасно знал, что тот искал лишь смерти, а потому боялся убить его еще сильнее, ограничившись лишь лишением права наследовать титул – что для самого Сяо Шичэна было лишь поводом для насмешки.

Сяо Чжочин отлично понимал: отец смерти не страшился, и Сяо Сун тоже не боялся.

Но неужели смерть способна очистить запятанный продажными чиновниками двор и вернуть Поднебесной небесный путь справедливости?

Сяо Лин и Сяо Сун напряженно смотрели на него. Опустив глаза, он вновь взглянул на ларец.

На крышке красовался четырехлапый цилинь – свирепый, заносчивый, а в пазы его панциря были впавлены безупречные, излучающие мягкий свет жемчужины из самого Восточного моря.

Конечно же, нет. Их смерть лишь развяжет руки ничтожествам, позволив тем окончательно занять чужие места и взять под свой контроль всю Поднебесную.

– Если князь Лянь решит пожаловать мне должность...

Помедлив немного, Сяо Чжочин вымолвил негромко:

– Что ж, я приму ее.

Шли дни. В резиденции герцога Янь царило спокойствие, и не успели оглянуться, как настал день вечернего пира в Нефритовом зале.

В три часа пополудни Сяо Чжоцин переоделся в парчовые одежды, подпоясался нефритовым кушаком и поднялся в карету, отправляясь во дворец.

Экипаж плавно тронулся с места, и рядом с ним тут же возник исчезнувший на несколько дней Чжаое.

– Молодой господин, я следовал за этим прощелыгой три дня, выполняя ваши указания, и все вышло точь-в-точь как вы и предполагали! – доложил Чжаое.

– Когда нашего домашнего слугу притащили в управу Шуньтянь, обвинение в незаконном проникновении и краже подтвердилось, и его тут же упрятали за решетку. Но не просидел он там и полдня, как та нищенка, что вечно таскалась за ним, привела пару людишек и благополучно выкупила его под залог!

– Кто они? – спросил Сяо Чжоцин.

Чжаое принялся загибать пальцы:

– Третий сын помощника министра чинов Мэн Кан, старший сын уполномоченного по передаче донесений Шэн Лэй, а еще младший братец помощника начальника управления в министерстве общественных работ...

– Хуан Тяньхуа, – произнес Сяо Чжоцин.

Чжаое изумленно моргнул:

– Молодой господин, вы с ним знакомы?

Сяо Чжоцин покачал головой.

Не знаком. Но видел его в этой книжонке под названием «Попирающий князей».

Накануне эти трое сопровождали отцов и братьев на празднество в резиденцию герцога Янь, а увидев учиненный Ван Юанем дебош, мгновенно преисполнились к нему интереса.

В книге говорилось, что Мэн Кан нашел этого парня забавным, Шэн Лэй посчитал взгляды Ван Юаня свежими и вольнодумными, а Хуан Тяньхуа просто терпеть не мог Сяо Чжоцина.

Как-то раз он заявил Ван Юаню: «Этот Сяо Чэ из резиденции герцога Янь такой пафосный! От его фальшивого благородства меня тошнит. Как хорошо, что нашелся ты и устроил им знатную побузку, прямо бальзам на душу!»

В итоге троица быстро сошлась с бродягой, и они побратались на крови.

В романе они отыскивали Ван Юаня как раз у ворот поместья.

Впрочем, все случилось в точности так, как Сяо Чжоцин и предполагал. В тот день он специально велел усилить охрану особняка, но Ван Юаню все равно удалось проскользнуть внутрь; и пусть негодяя тут же упрятали в тюрьму, сюжет развивался строго по сценарию, сведя его с тремя влиятельными покровителями-названными братьями.

– И куда они направились, вызволив Ван Юаня? – снова осведомился он.

– У Хуан Тяньхуа есть загородный дом, они сперва отвезли Ван Юаня и ту нищенку туда. Мои люди подобрались к задней стене и подслушали: похоже, они вовсю обсуждали происхождение того самого мешочка для благовоний.

Разумеется. В романе именно они помогли Ван Юаню откопать его истинное происхождение. Все трое были отпрысками чиновников из партии князя Ляня, и впоследствии Ван Юань пробился в высшие сферы именно благодаря их связям.

– Я также исполнил ваш приказ... и исподтишка метнул в него несколько скрытых клинков, – продолжал Чжаое.

Сяо Чжоцин понял его без слов:

– Он не умер.

При одной этой мысли Чжаое передергивало от суеверного ужаса.

- Молодой господин знает мои навыки. Хотя до непревзойденного мастера мне далеко, расправиться с таким слабаком, у которого за душой ни гроша, проще простого, как я мог промахнуться?

- Но представьте: целых пять лезвий, и все пять Ван Юань чудом избежал! Самое жуткое - он вообще ничего не заметил! Стоило дротику полететь ему в голову, как он вдруг усаживался на корточки, а когда я целился в руку, он начинал зачем-то чесать макушку! Все вышло шиворот-навыворот, я не задел его ни разу!

Тут Чжаое едва не сорвался на крик:

- Молодой господин, скажите на милость, откуда у этого гада столько удачи?!

Разумеется, это была удача главного героя, обласканного небесным путем.

Сяо Чжоцин велел Чжаое и дальше следить за Ван Юанем. Тем временем их карета остановилась у императорских ворот, и он ступил на территорию дворца в сопровождении одного лишь Фусюэ.

Заходящее солнце заливало багрянцем величественные крыши дворцов. В Нефритовом зале ярко горели светильники, мелькали силуэты приближенных, а чиновники в алых и фиолетовых одеяниях сплошным потоком тянулись по длинным нефритовым ступеням, заполняя парадный вход.

Многие из сановников знали Сяо Чжоцина. Благодаря гремевшей на всю столицу славе герцогского рода, даже несмотря на то, что у самого Сяо Чжоцина еще не было официального чина, они не смели проявлять неуважение и спешили первыми завести с ним учтивые беседы.

Сяо Чжоцин отвечал каждому, но мысли его были далеки от неудачного покушения Чжаое.

Он изначально догадывался об исходе дела, и отправляя Чжаое покончить с Ван Юанем, преследовал лишь одну цель - проверить свои догадки.

В конце концов, раз Ван Юань - истинный избранник небесного пути, как он мог погибнуть так легко? Если бы его жизнь можно было оборвать парой скрытых клинков, разве насчитывало бы

то романное чтиво свыше трех тысяч глав?

По природе своей сдержанный и немногословный, Сяо Чжоцин после коротких вежливых приветствий наконец вошел в Нефритовый зал. Места в зале делились на две части: впереди сидели вельможи, а новоиспеченные кандидаты наук располагались позади. Направившись в сторону простолудинного скопления ученых мужей, он быстро нашел свое место.

В отличие от тертых калачей-сановников, молодые выпускники еще не прошли через чиновничьи жернова: в них было с избытком зеленой юношеской наивности и полнейшее отсутствие скрытности. Стоило бросить взгляд – и перед глазами пестрело целое море характеров.

Кто-то из робких сидел на своем месте зажатый, боясь сделать лишнее движение; любопытные во все глаза разглядывали золоченые купола и узорчатые потолки дворца, ослепленные их роскошью; а находились и такие, кто пытался хитрить и втихую подбирался к столам сановников, наивно воображая себя мастерами светской беседы, умело лавирующими под пронзительными взглядами старых лис.

Но больше всего было тех, кто шушукался между собой, обмениваясь сплетнями.

Место Сяо Чжоцина оказалось вполне неплохим. Едва он успел опуститься на циновку, как до его слуха долетел разговор двух сидевших позади кандидатов наук.

– Брат Ван, неужто ты еще не слышал? Нынче все свободные должности при дворе открыто продаются за звонкую монету! Хочешь поступить в Шумиюань – выкладывай вот столько, а метишь в Ханьлиньюань – хватит и этого. Ну а если нацелился прямо на Шесть министерств... э, братец, тут никаких денег не хватит, без покровительства влиятельного чиновника не обойтись.

Поторопись-ка ты со связями, иначе, боюсь, до конца дней будешь прозябать где-нибудь в глуши помощником уездного судейского!